

# СОЛНЦЕ

РОССІИ

**Памяти А. П. Чехова.**  
(1904-1914 г.)



# СОЛНЦЕ РОССИИ

*Незабвенной памяти  
Антона Павловича Чехова  
посвящается этот номер.*



# РОДИНА ЧЕХОВА.

Статья В. Г. Тана.

Горько буйных фараонов,  
Мой удалый Таганрогъ.

Я вспомнил это двестише изъ старого журнала, который мы издавали въ гимназии, въ шестомъ классѣ, стало быть въ 1878 году. Оговариваюсь: А. П. Чеховъ къ нашему журналу не имѣлъ отношенія, тѣмъ болѣе что онъ былъ классомъ старше. Двестише и все стихотвореніе, воспѣвавшее «удалый Таганрогъ», принадлежатъ Всеволоду Гончарову, умершему въ 1884 году отъ сухотки спинного мозга въ Харьковской тюрьмѣ.

Фараоны, о которыхъ здѣсь говорится, не относятся къ Египту или даже хотъ къ цыганамъ. Такъ назывались въ Таганрогѣ грузчики хлѣба изъ гавани. Они работали, какъ каторжные, зато зарабатывали лѣтомъ до пяти рублей въ сутки, что при тогдашней дешевизнѣ было цѣлое богатство. Жили они сыто и буйно.

Взялъ я четверть водки,  
Взялъ я три селедки,  
Взялъ я фунтъ икры,  
Взялъ я булки три.

Пилъ я водку, пилъ наливку  
Музыкантовъ минималъ,  
До того я догулялся,  
Что въ полицію попалъ...

Я вспомнилъ эти старинныя мѣстные пѣсни, и на меня какъ будто пахнуло острымъ запахомъ милаго Азовскаго моря.

Удалый Таганрогъ... Современные туристы называютъ его «городомъ умеренной жизни и хмурыхъ людей» и стараются сблизить съ нимъ сумерки русскаго духа и великую тоску А. П. Чехова.

Какъ таганрогскій уроженецъ, я долженъ протестовать противъ этого сближенія.

Теперь Таганрогъ, дѣйствительно, умеръ, какъ умерло много. Сосѣдній Ростовъ перебилъ всю торговлю.

Но лѣтъ сорокъ тому назадъ, въ дни нашего дѣтства, Таганрогъ еще доживалъ свою прежнюю славу.

Удалый Таганрогъ основанъ степными бѣглецами и морскими пиратами, вродѣ Ивана Варваци, іонійскаго корсара и русскаго надворнаго совѣтника, у котораго лѣвое ухо было отрѣзано въ турецкомъ плѣну.

Русскія фамиліи: *Белprozванновъ*; *Харцызъ* (по украински—разбойникъ); еврейскія: *Непомняцій*, *Ганофъ* (воръ),—одна выразительнѣй другой.

Всѣ племена русскаго юга смѣшались въ Таганрогѣ. Греки, армяне, евреи, «хохлы» и «кацапы», донцы, тавричане, турки-банабаки, «персюки», и многіе другіе. Хлѣба хватало на всѣхъ. Жили между собою мирно, а ежели дрались, такъ дрались любя, взаимнымъ мордобоемъ. Въ нашей гимназій помню, было четыре «первыхъ силача»: Дракули—грекъ, Онановъ—армянинъ, Гершковичъ—еврей, Гутниковъ—русскій. И въ карцеръ попадали тоже различныя націи, всѣ вперемежку безъ ограничительной нормы.

Жизнь протекала по своему ярко, просторно и сочно. Люди попадались упрямыя, съ размахомъ, *рыцари степные* и вмѣстѣ печенѣги. Только на сѣверномъ Кавказѣ, въ Армаварѣ, въ Майкопѣ, можно встрѣтить и теперь отблески этого буйнаго быта и степнаго приволья.

Въ Таганрогѣ, на югѣ, у моря родился и выросъ Антоша Чехонте, юноша, полный проказъ, «выдумщикъ съ вѣчно игрившей селезенкой», по словамъ сверстниковъ, брызжущій яркимъ весельемъ.

И самыя чуткіе изъ старшихъ современниковъ все же упрекали его именно за это веселье, за юношескую беззаботность, за нѣсколько легкое отношеніе къ жизни и къ литературѣ. (Слова В. Г. Короленко).

Взгляните на юношескіе портреты Чехова: открытое лицо, лукавыя глаза, некокорная прядка волосъ надъ благороднымъ лбомъ, а потомъ посмотрите на скорбныя складки у рта, хотя бы на Баденвейлерскомъ бюстѣ.

Это уже не Антоша Чехонте, это А. П. Чеховъ, позднѣйшій, сѣверный, это унылый Ивановъ, даже «ядя Ваня», Астровъ и Войничскій вмѣстѣ.

— Дитя мое, какъ мнѣ тяжело... О, если бы ты знала, какъ мнѣ тяжело!..

Онъ переѣхалъ съ юга на сѣверъ, изъ Таганрога въ Москву, отъ приазовскихъ фараоновъ къ дикимъ «Мужикамъ» оскудѣлаго центра, попалъ въ «Вишневыя Сады», только что вырубленный Лопахинымъ, угодили въ сѣрую гушу тумана, въ дѣбри неурядицы, нелѣпой, жестокой и пудной.

Первое время онъ глядитъ на эту нескладную жизнь удивленными глазами, почти какъ иностранецъ. Онъ подмѣчаетъ въ ней мелкія черточки, характерныя, смѣшныя, которыя ускользаютъ отъ нашихъ прсмотрѣвшихся глазъ, потускнѣвшихъ отъ дыма и сырости.

Винтъ въ департаментъ ночью, въ четыре казенныя масти... Безъ козыря въ народномъ просвѣщеніи...

Это увидѣть въ русскаго казеннаго столицѣ могъ только молодой провинціалъ съ степными орлиными глазами.

А. П. Чеховъ мечталъ перель смертью: «въ Москву, въ Москву!»

Но Антоша Чехонте видѣлъ вначалѣ Москву у Успенія на-Могилкахъ, въ Мертвомъ переулкѣ, у дома чиновника Трупова.

И невольно вспоминается Гоголь, тоже выходящъ съ теплаго юга, выросшій въ милой Диканькѣ пасѣчникомъ Рудымъ, а потомъ угодившій на сѣверъ и расцвѣтшій и погибшій...

Глаза его тоже увидѣли многое, незримое намъ. И онъ засмѣялся на сѣверѣ уже по вному...

«Горькимъ смѣхомъ моимъ достъюся...»

Южное веселье становится на сѣверѣ больною и горькою улыбкой.

Сѣверная, жесткая природа, скучная, суровая жизнь рождаетъ сатиру съ бичомъ беспощаднаго смѣха, тяжкимъ и мѣткимъ, какъ плеть, какъ дубина Петра.

Она родила Салтыкова, «зачатаго въ гнѣвѣ», въ имѣньи Спасъ-Уголь, въ семьѣ Головлевыхъ.

Гоголь и Чеховъ, рожденные на югѣ, не вынесли сѣвера. Оба они умерли рано, съ надорванной грудью, съ душой наболѣвшей, почти до истерики, до скорбнаго крика.

Вольная южная чайка, попавшая съ моря на сѣверъ, свернула свои бѣлыя крылья и упала мертвая.

Маша



Дерево изъ «Вишневаго сада» въ Московскомъ Художественномъ